

«Русский национализм» как область научных исследований

Всего за несколько лет поле исследований на тему национализма коренным образом изменилось: уход от политической или идеологической составляющей позволит расширить спектр толкований понятия «русский национализм» | **МАРЛЕН ЛАРЮЭЛЬ**

В западных исследованиях, посвященных России, всегда уделялось большое внимание вопросам идентичности. С одной стороны, это помогло объяснить, чем Россия «отличается» от Запада, а с другой — это было своего рода подражанием российской национальной традиции вести споры о «русской идее». Изучение проблемы идентичности включает в себя широкий спектр концептуальных подходов (идентичность может быть культурной, религиозной, этнической, гендерной, региональной, экономической), вовлекая в свой оборот все социальные и гуманитарные дисциплины. Мужду тем со времен холодной войны изучение «русского национализма» стало, можно сказать, отдельным жанром. Отчасти это объясняется тем, каким образом советология как дисциплина складывалась на Западе, особенно в Соединенных Штатах, но дело также и в том, что даже сегодня изыскания в области «русского национализма» зачастую подразумевают оценочные суждения и лежащие в их основе политические стратегии. Лишь совсем недавно это направление западной

науки стало утрачивать свою политизированность, более активно применять методы, принятые в антропологии и социологии, и интересоваться не только идеологическим аспектом, но и более широким социальным контекстом. В данной статье дается краткий исторический обзор исследований по проблеме «русского национализма» и рассматриваются основные теоретические рамки, в которых подобные исследования проводятся, а также новые тенденции в изучении проблемы, как уже проявившиеся, так и те, что с большой вероятностью будут возникать в ближайшие годы по мере развития концепции русской национальной идентичности.

Краткий исторический обзор исследований по проблеме «русского национализма»

«Русский национализм» в западном научном дискурсе, связанном с Россией, представляет собой совершенно отдельную категорию. В качестве научной темы этот термин появился в 1960-х годах в работах, посвященных основным политико-философским школам императорской России (славянофильство, панславизм, консерватизм)¹. Новый всплеск интереса к российской политической фило-

АВТОР ВЫРАЖАЕТ ОГРОМНУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ГЕНРИ ХЕЙЛУ, ЧАРЛЗУ САЛЛИВАНУ И ДЖУЛИАНУ УОЛЛЕРУ ЗА ЦЕННЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ЭТОЙ СТАТЬИ.

софии XIX века можно объяснить контекстом холодной войны, в котором формировалось большинство западных школ по изучению Советского Союза, а также ощущением, что для понимания советского общества уже недостаточно знания марксизма и революционного образа мыслей. Новая волна исследований, таким образом, сосредоточилась на русской консервативной традиции, которая до сих пор оставалась вне поля зрения, поскольку основное внимание уделялось революционным авторам.

Во второй половине 1970-х акцент в исследованиях сместился с России XIX века на тогдашнее советское общество. Это явилось заслугой таких авторов, как Джон Данлоп, Александр Янов и Уильям Лакёр, пытавшихся в течение многих лет привлечь внимание к явлению, которое они определяли как «возрождение русского национализма»². Они изучали тенденцию, казавшуюся им парадоксальной: рост интереса среди советских диссидентов к темам, которые считались националистическими, что выражалось в обращении к имперскому прошлому и в защите исторических и природных памятников, а также параллельно нарастающее внимание к тем же темам в среде «официальной» советской интеллигенции, проявлявшееся главным образом в литературе («деревенская проза») и в изобразительном искусстве³, одобренном партией⁴.

Годы перестройки и распада Советского Союза стали своего рода золотым веком для изысканий в области «национализма», которые теперь уже не ограничивались Россией, а охватывали все народы СССР⁵. Политические и социальные потрясения во вновь возникших странах интерпретировались как «пробуждение» народов, находившихся под гнетом России, который был назван «шовинистическим». Таким образом, национализм рассматривался в рамках бинарной схемы: национализм не русских народов,

поскольку он был демократическим и антиколониальным, считался «здоровым», равно как и «народные фронты» эпохи Горбачёва, в то время как национализм русских определялся как консервативный, самодержавный и колониальный, символом которого стала антисемитская «Память», основная организация русских националистов⁶. В некоторых работах предпринимались попытки исследовать различия между «хорошим» и «плохим» национализмом, как если бы его интуитивно определяемая бинарная природа и непосредственное влияние на внешнюю политику Запада (поддержка новых государств в их противостоянии российскому господству) могли быть достаточным основанием для признания легитимности подобного рода разделения. Отсутствие работ, в которых рассматривались бы «националистические» черты российских политиков, считавшихся либеральными (от Ельцина до Гайдара и Чубайса), говорит о том, что западным ученым было трудно приклеивать ярлык «националистический» к своим на тот момент политическим союзникам.

В 1990-х схема, сложившаяся в предыдущее десятилетие, сохранилась. В работах, посвященных проблеме национальной идентичности, речь главным образом шла о том, какую роль играли интеллектуалы в формулировании идеи своей нации⁷. «Национализм» рассматривался как отдельная область исследований в рамках проблемы «национальной идентичности», относящейся к политической философии или истории идей, и исследовался по большей части как идеологическое явление. Идеологическая подоплека работ мало изменилась: русский национализм по-прежнему понимался как продукт имперского и советского наследия. Таким образом, прилагались усилия к тому, чтобы проследить идеологическую преемственность с царских времен (черносотенцы, антисемитизм и т. п.) и социальную преемственность с советских времен (различные группы вокруг

«Памяти»: монархисты, сталинисты и др.). Сформировавшийся нарратив по-прежнему дополнялся скрытым подтекстом, который сводился к осуждению национализма как российской «проблемы»⁸. При этом множились медицинские метафоры: *тело* России было *больным*, а национализм сравнивался с *раком* или *гангреной*, для которых необходимо найти *лекарства* или *лечение* и т. д. Аналогия с веймарской Германией способствовала появлению основной метафоры, на этот раз исторической, для описания России начала 1990-х

соотносилось с «этническим большинством» и идеей «русской идентичности». Регионы, которые столкнулись с проявлениями массового насилия и/или сепаратистскими движениями (Армения, Азербайджан, Грузия, Молдавия, Чечня), выделились в совершенно особую категорию: там «национализм» изучался в основном не как продукт идеологии, а с точки зрения его социальных причин и геополитических факторов, в результате которых страны оказались в столь критических ситуациях¹¹. На этом фоне практически толь-

“Начиная со второго срока президентства Ельцина некоторые исследователи заговорили о **возрождении патриотической тематики** и отказе от прозападной риторики”.

годов, когда ученые были сосредоточены на успехе Владимира Жириновского и искали параллели с нацизмом⁹.

В то время как «русский национализм» анализировался в соответствии с вышеописанной схемой, различные «национализмы» других народов бывшего Советского Союза оценивались гораздо более позитивно: украинский, белорусский, прибалтийские варианты национализма бурно приветствовались, поскольку считалось, что они вносят свой вклад в демократизацию соответствующих республик и даже в укрепление их связей с Европой. С тех же позиций изучались и разные внутрироссийские варианты национализма, поскольку они воспринимались как своего рода локомотив демократизации страны — через опыт федерализации: Татарстан и Якутия возглавляли список республик, превозносимых западными учеными¹⁰. Дебаты по поводу концепции гражданской нации и понятия «россияне», продвигаемого Борисом Ельциным, рассматривались по большей части как способ обезвредить национализм этнических республик и в гораздо меньшей степени уделялось внимание тому, как это

ко работы, посвященные русским национальным меньшинствам в ближнем зарубежье, пытались каким-то образом встроить «русский национализм» в более широкий социальный и политический контекст и представить анализ культурных мотивов, связанных с национализмом, что существенно отличалось от упомянутых медицинских метафор. С этой точки зрения наиболее плодотворными были исследования, посвященные странам Балтии и звучавшим там требованиям со стороны русского национального меньшинства¹².

В 2000-х инструменты, применяемые для анализа «русского национализма», изменились. Начиная со второго срока президентства Бориса Ельцина некоторые исследователи справедливо заговорили о возрождении патриотической тематики и отказе от прозападной риторики, преобладавшей в первые годы существования постсоветской России¹³. Однако только в первые годы президентства Владимира Путина термин «националистический» стал все чаще употребляться для осуждения политики Кремля. Более принципиально то, что в это десятилетие сместились дисциплинарные акценты

при обсуждении «русского национализма»: вместо политической философии на первый план вышла политология, которая в 2000-е годы стала своего рода королевой среди научных дисциплин, занимавшихся Россией¹⁴. Перемены, происшедшие при Путине, представляют собой хрестоматийный пример того, как теоретические дебаты о природе постсоветских режимов и национализма смещаются в сторону «этнической политики»¹⁵. Идеологическая составляющая этих работ, таким образом, включала в себя попытку понять путинский режим, а иногда — но отнюдь не систематически — обличить проклятие авторитаризма в России, которое рассматривалось в качестве основного фактора, объясняющего возрождение российского национализма на международном уровне и патриотизма внутри страны.

Международные отношения вновь стали рассматриваться сквозь призму национализма, когда внешняя политика России обычно характеризовалась как «националистическая». Данное прилагательное использовалось для описания самоуверенного, великодержавного тона Москвы и критического отношения Кремля к западной и особенно американской позиции в международных делах. Кроме того, с его помощью подчеркивалась «агрессивность» российской политики по отношению к тем странам «ближнего зарубежья», которые отказываются идти на поводу у Москвы (Грузия, Украина), а также объяснялись неспособность России предлагать взаимоприемлемые и надежные варианты политического урегулирования для Северного Кавказа и презрение российских элит к своим партнерам из Центральной Азии. Наконец, этим же определением характеризовалась российская энергетическая политика и неблагоприятный бизнес-климат в стране для иностранных инвесторов. Таким образом, термин «национализм» применялся как всеохватывающее универсальное поня-

тие, позволяющее описывать российскую внешнюю политику в интуитивно улавливаемых, как предполагалось, категориях¹⁶.

Однако некоторые области по-прежнему остаются за рамками анализа. Например, крайне мало работ, исследующих такие явления, как «базарная ксенофобия», расистский юмор или, в более обобщенном виде, ксенофобия на бытовом уровне. Нерусские варианты национализма внезапно совсем исчезли с горизонта. С утверждением «вертикали власти», положившей конец асимметричному федерализму в России, западные ученые во многом утратили недавний интерес к проблеме идентичности в различных республиках РФ. Более того, тема «регионов России», столь модная в 1990-х, также перестала быть привлекательной¹⁷. Постсоветские государства теперь исследовались не с точки зрения национализма, а с точки зрения государственного строительства (с дебатами вокруг школьных учебников, празднования исторических дат и гражданской идентичности). При этом горячие точки, связанные с очажками радикального исламизма на Северном Кавказе, уже не служили предметом полемики о постколониальном национализме, а стали темой узконаправленных дискуссий о «войне с террором».

Общие замечания относительно изучения национализма в России

Вполне очевидно, что приведенный выше обзор имеет упрощенный характер и может быть подвергнут критике. Начать с того, что хронология по десятилетиям могла бы быть более детальной, а это достаточно сложная задача. Во-вторых, вышеупомянутые сдвиги в научных интересах во многом закономерны, поскольку они так или иначе соответствуют изменениям политического ландшафта в России и тем глубинным преобразованиям, которыми были отмечены 1990-е и 2000-е годы. В-третьих, что еще более важно, всег-

да появляются работы, которые не соответствуют общепринятым взглядам, всегда существуют ученые, по-своему разрабатывающие темы, связанные с «русским национализмом», и центры производства знаний, которые остаются верными своим изначальным установкам, не поддаваясь соблазну следовать преходящей моде, такие как журнал *Ab Imperio*.

Тем не менее хотелось бы выделить несколько основных пунктов, в отношении которых, как мы надеемся, возможно достичь консенсуса.

1. Исследования «русского национализма» редко имеют нейтральный характер и бывают лишены идеологической подоплеки: в большинстве публикаций научный анализ сочетается с личным мнением и политическими соображениями, что подразумевает оценочное суждение в отношении «национализма». Политическая составляющая оказывает заметное воздействие на научные изыскания и по-прежнему преобладает в дебатах, касающихся России, особенно в Соединенных Штатах, где экспертная оценка аналитических центров гораздо больше на слуху, нежели результаты научных исследований, и тем самым возникает тенденция к сужению рамок анализа¹⁸.

2. Из первого пункта вытекает, что изменения, происходящие в России, как правило, трактуются в соответствии с тем, какое значение они имеют для положения России на международной арене и ее отношений с Западом. Таким образом, нередко создается впечатление, что анализ российской внешней политики сосредоточен преимущественно на внутренних проблемах, как будто все, что происходит в российском обществе, значимо только с той точки зрения, как это влияет на внешнюю политику. Подобное положение дел приводит к целому ряду идеологических упрощений, примером которых может служить искусственная параллель

между определением сторонника авторитаризма как приверженца антизападной политики, а демократа или либерала — как приверженца прозападной политики. Отсюда и трудности, например, при попытке определить, какое место занимает Алексей Навальный и новые национал-демократические движения, поскольку неожиданные проявления ксенофобии среди так называемых либеральных противников Путина вызывают замешательство у западных экспертов. Предлагаемые интерпретации выдвигают на первый план тенденцию следовать «политкорректному», черно-белому стилю мышления. Возникают вопросы: а могут ли ультранационалисты *дискредитировать* демократические протесты¹⁹, окончательно ли «плохие парни» избрали стратегию стать *респектабельными* националистами и является ли теплый прием, который оказывают националистам некоторые либералы, в какой-то степени *политическим расчетом*? Описанная выше схема строится на наивном предположении, что демократия не может быть националистической и что либерализм не может внезапно превратиться во что-то не очень хорошее.

3. «Русский национализм» по-прежнему воспринимается сквозь призму тезиса о «русской исключительности», который был сформулирован русскими мыслителями еще в XVIII веке, но который западные ученые по сей день, как правило, прямо или косвенно воспроизводят. Остается только сожалеть о том, что так мало исследований, сравнивающих русский национализм с национализмом в Западной или Центральной Европе, либо рассматривающих российский и американский патриотизм как два во многом сходных явления²⁰. Жаль также, что отсутствуют исследования отдельных «национализмов в России», которые давали бы более общее понимание проблемы без упора на этническую принадлежность и в которых все «национализмы» воспринимались бы на равных:

русский и украинский, русский и чеченский, русский и якутский и т. д.

4. При обсуждении «русского национализма» идеологическая составляющая всегда ставится выше социальной. Работы по этой теме находятся в основном в русле мыслительных школ, которые ориентированы на то, чтобы давать устоявшиеся определения, вроде: «национал-большевизм», «евразийство», «советский патриотизм», «антисемитизм», «империализм» и т. п. Между тем любая идеология — это нечто размытое и непостоянное,

идет от общества и в свою очередь влияет на Кремль, или крайне правое движение задает тон, а Кремль перенимает его. При такого рода анализе возникают проблемы, напоминающие вопрос о яйце и курице. Подобно тому как в советский период национализм существовал одновременно *среди сторонников* власти, ее *противников* и *внутри* нее самой и ее административного аппарата, в современной России нельзя определенно сказать, где источник «русского национализма». Высказывания, которые классифицируются как «националистические»,

“Политическая составляющая оказывает заметное воздействие на научные изыскания и по-прежнему преобладает в дебатах, касающихся России”.

и она ничего не говорит о частных стратегиях, сетях и способах общения националистических группировок и их лидеров и о том, выступают ли они на стороне Кремля или против него. Кроме того, в большинстве работ националистические течения по-прежнему делятся на две основные группы: империалистические и этнонационалистические. Однако такой подход ошибочен, поскольку главные идеологи национализма и политики могут использовать одновременно и империалистические, и этнонационалистические аргументы. Типологии, которые строятся на основе идеологической составляющей, лишены смысла, если они не объединяются с социологическим подходом при рассмотрении стратегии, используемой каждой группой для общения со своей аудиторией и при попытках воздействия на политическую или культурную сферу.

5. Исследователи русского национализма зачастую надеются на то, что они без труда способны определить, где национализм есть, а где его нет. Они ищут националистов «по какому-то одному голосу» и поэтому теряются в спорах, исходит ли этот голос из Кремля и воздействует на общество, или, наоборот, он

исходят из самых разных мест и пространств. Национализм *полифоничен*, иными словами, у каждого свой собственный национализм: есть национализм проигравших в результате постсоветских реформ, который выражается в протестном голосовании за КПРФ или за ЛДПР Жириновского; есть национализм политических элит, которые поддерживали патриотический призыв «Единой России», объединяющий ностальгию по Советскому Союзу и постсоветские реалии; есть национализм малообразованных и малообеспеченных слоев молодежи, который выражает себя в актах насилия скинхедов; и наконец, национализм городского среднего класса — который, кстати, появился на сцене последним, по характеру проевропейский и демократический, но при этом ксенофобский — выразителями которого стали национал-демократы и Навальный. Итак, этих голосов множество, и среди них официальные, которые поддерживает Кремль; полуофициальные, такие как Московский Патриархат и государственные аналитические центры; политическая оппозиция от «коммунистов» до «либералов»; регионы и республики; а также мир СМИ, наиболее известные издатели

публицистики, представители научных кругов, искусства и литературы.

6. И последнее, чем можно заключить данный перечень соображений, — это практически полное отсутствие работ по проблеме «бытового национализма» применительно к России. Изучение бытового национализма — это изучение обретшей материальное воплощение фольклорной культуры, каждодневных привычек и заведенного порядка, подкрепленных здравым смыслом: культурный ландшафт, манера одеваться и манера поведения, социальные нормы (вежливость, гостеприимство, правила этикета), установившаяся практика потребления, предпочтения в еде и проведении досуга. Существующие работы на эту тему в основном посвящены западным странам²¹, что свидетельствует о том, что «национализм» других всегда вызывает больше сомнений и подозрений, чем свой собственный.

Нынешнее положение дел

Во второй половине 2000-х характер научных дискуссий в области «русского национализма» претерпел серьезные изменения. Видоизменился аналитический инструментарий, с тем чтобы можно было учитывать эволюцию российского общества, а также в связи с тем, что новые поколения ученых в большей степени интегрируют свои изыскания в отдельных областях в современные социальные науки, так что культурная антропология, возможно, стала самой передовой сферой в исследованиях, посвященных России. Отметим также, что хотя активность российских организаций, которые занимаются проблемой национализма (в частности, информационно-аналитический центр «СОВА», Левада-Центр, Институт этнологии и антропологии РАН, Санкт-Петербургский независимый центр социологических исследований), с изменением политической конъюнктуры снизилась, появились новые пло-

щадки для дискуссий, например, в сетевых журналах, что расширило и обогатило дебаты на Западе («Неприкосновенный запас», *Laboratorium*, *Pro et Contra*, «Россия в глобальной политике», «Вопросы национализма», «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры»).

Сегодня изучение «русского национализма» более разнообразно. Всегда можно найти анализ содержания идеологических преобразований (например, новых интеллектуальных течений, которые находят выражение через социальные СМИ²²), а также типологию крайне правых движений²³.

Но перечисленные темы — это лишь малый спектр множества направлений научных изысканий, которые включают гораздо больше разнообразных вопросов. Роль русской нации в советской доктрине была в значительной степени пересмотрена благодаря архивным материалам, а споры относительно имперской природы Советского Союза продолжают вызывать разногласия среди экспертов²⁴. Влияние «мягкой силы» России как в ближнем зарубежье, так и в мире в целом анализируется без обязательных заключений относительно политических последствий²⁵. Все большее число исследователей занимаются, например, вопросом о том, как русскоязычные диаспоры выстраивают свои взаимоотношения с Россией и откликаются на — или, напротив, игнорируют — призывы Москвы участвовать в судьбе страны²⁶.

За последнее десятилетие число социологических работ существенно увеличилось. Одним из направлений исследований стал рост ксенофобии, однако этой проблемой по большей части занимаются российские эксперты и очень немногие среди их европейских и американских коллег. Постепенно стали возобновляться дебаты о роли этнонационализма²⁷ — отчасти в результате возрастающего межэтнического насилия и появления нового демократического этнонациона-

лизма²⁸. Больше стало работ, посвященных молодежной субкультуре, в центре их внимания оказались организация «Наши» и другие пропрезидентские молодежные движения²⁹. Но в то же время акты уличного насилия также стали предметом обсуждения, и, более того, дискуссии вышли за рамки простого мониторинга преступлений на почве расизма и идеологических классификаций, охватив, например, скинхедов и группы «антифа»³⁰. Классические темы, такие как гендерные исследования, в той же мере включаются в область социологического анализа³¹.

Что еще более важно, возникла новая тенденция изучать национализм в расширенном общественном и культурном контексте. С этих позиций поддерживаемый Кремлем «патриотизм» рассматривается как фактор, формирующий социальный консенсус, в стране, где различие в образе жизни все время увеличивается. При таком подходе существенно обновилось само поле для размышлений благодаря той роли, которую стали играть исследования по проблеме исторической памяти, и тому, как в них рассматривается вопрос о ностальгии по Советскому Союзу³². Ностальгия по советскому прошлому не может быть приравнена к национализму; это более обширное явление, истоки которого следует искать как в изменении «габитуса» (по Бурдьё), культурных ценностей и норм³³, так и в свойственных россиянину страхах лишиться советского благополучия³⁴. Благодаря тому, что проливается свет на социальные и культурные мотивации, становится возможной деидеологизация понятия «национализм» путем изучения его в социальном контексте (в частности, как своего рода «габитуса» для образованного, но доведенного до нищеты среднего класса³⁵) и одновременно в культурном контексте (успех так называемых патриотических фильмов и телесериалов, воспроизводящих советскую классику³⁶).

Всего за несколько лет поле исследований по теме национализма коренным образом изменилось, здесь возник диалог с социальными науками, особенно с культурологией и антропологией. Подобный «уход от политической» или «уход от идеологической» составляющей, вероятно, будет весьма полезным для дальнейших размышлений и позволит расширить возможные толкования понятия «русский национализм».

Изменение парадигмы в рамках концепции российской национальной идентичности

Исследуя «русский национализм» в более широком контексте, где учитываются общие эволюционные изменения в России, мы получаем возможность, среди прочего, лучше осознать продолжающуюся трансформацию парадигмы в рамках концепции российской национальной идентичности. В данном случае речь пойдет о четырех основных направлениях: изменения в определении внутренних различий, изменение в территориальной самоидентификации, изменение отношения к Европе и изменения в негласном договоре между государством и обществом.

МИГРАЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ Внутренние различия стали пониматься иначе — во многом из-за «миграционной революции». Традиционное этническое разнообразие, формально выраженное в наличии автономных республик и округов, ушло на второй план, и теперь главное место в спорах относительно национальной идентичности занимают новые, неожиданные этнические различия, обнаружившиеся в результате трудовой миграции. В постсталинском Советском Союзе этническое многообразие России было оформлено в виде трех четко определенных и согласованных структур: это многообразие было территориальным (национальные меньшинства относительно

компактно жили в определенных регионах страны), культурно интегрированным (этническая самобытность ярко проявлялась в пределах национального целого и интегрировалась в более широкую концепцию «дружбы народов») и политически подконтрольным (существовали четко определенные механизмы субординации, срабатывавшие даже в том случае, если внезапно возникали локальные очаги межэтнической напряженности). Этническое многообразие, обнаруженное трудовой миграцией, не вписывается ни в одну из этих прежних

В этом контексте ксенофобия, особенно в отношении мигрантов (возник даже неологизм *мигрантофобия*), стала одним из новых дискурсов путинской России, и по этому вопросу среди населения — в иных случаях разделенного идеологией, образом жизни, уровнем доходов, социальными и возрастными различиями — возник широкий консенсус. По данным аналитического центра «СОВА», насилие в отношении людей, воспринимаемых как иностранцы (а к этой категории относятся и выходцы с Северного Кавказа, которые юридически являются

“Россия испытывает трудности с поиском новых схем, которые помогли бы справиться с *дилеммой* между российской и русской идентичностью”.

схем. Территориальные границы стерлись, и, более того, этническое многообразие распространяется по всей территории России, включая регионы, где раньше с подобным явлением не сталкивались. Оно не интегрировано в русскую культуру, поскольку мигранты, хотя большая часть из них — это бывшие советские граждане, которые пусть немного, но говорят по-русски, уже не включаются в воображаемую национальную общность. Даже сторонникам евразийской концепции России (которые сами составляют явное меньшинство) в данных обстоятельствах трудно разрабатывать промигрантский нарратив. Наконец, отсутствует и такое преимущество, которое предполагает наличие тех или иных политических механизмов, поддерживающих новую структуру. Наоборот, трудная миграция делает еще более очевидным, насколько дисфункциональна государственная система в путинской России, в том что касается коррумпированности государственных органов и отсутствия правовой среды, способствующей легализации мигрантов и их интеграции в российское общество.

гражданами России), занимает третье место в перечне наиболее распространенных видов насилия в России — после насилия по отношению к членам новых религиозных движений (НРД) и лицам, принадлежащим к ЛГБТ-сообществам. Однако в политическом отношении этническое насилие намного более значимо, нежели акты насилия в отношении религиозных групп и сексуальных меньшинств, которые остаются маргинальными и пока не могут вызвать мощной коллективной реакции. Этническое насилие наиболее важно с точки зрения его роли в формировании новой модели национальной идентичности в России, даже если три перечисленные категории насилия имеют сходные тенденции развития. Религиозные, сексуальные и этнические меньшинства явным образом исключаются из национальной общности, которая подразумевает принадлежность к православию, нравственные ценности, символизируемые гетеросексуальностью, и русскую этнокультурную идентичность.

При наличии примерно 13–14 млн мигрантов-иностранцев Россия просто не может

позволить себе плохо проработанную миграционную политику. Российские власти надеются вернуть себе контроль над общественным мнением и сделать так, чтобы казалось, будто они возглавляют борьбу против нелегальной миграции, все это время призывая к расширению Евразийского союза, что, похоже, идет вразрез с ксенофобскими настроениями российского общества, и будучи не в состоянии предложить стратегии по интеграции мигрантов и членов их семей. Между тем в реальности проблема гораздо шире собственно проблемы миграции. Все более очевидно, что Россия испытывает трудности с поиском новых схем, которые помогли бы справиться с дилеммой между российской и русской идентичностью. В действительности весьма вероятно, что в ближайшие годы, в соответствии с общеевропейской моделью, новым фактором отличия станет ислам.

Исламофобия, которая не имеет исторических корней в царской России, на наших глазах становится важным элементом разграничения между «мы» и «они», формируя категорию, объединяющую — без разбора — «террористов» с Северного Кавказа и мигрантов, которые просят выделить им места для культовых сооружений в городах, не имеющих традиции религиозного разнообразия. До недавнего времени антиисламские высказывания ограничивались более традиционной чеченофобией, где мусульмане и террористы воспринимались как одно и то же, но теперь этот нарратив отчасти перекрывается той напряженностью, которая возникает в связи с требованиями строить новые мечети для мигрантов. Совсем недавно Совет муфтиев был вынужден подать протест против распространения официального предупреждения ФСБ, в котором говорится о мечетях как о месте сбора террористов, а об «усердной молитве» — как о характерном для террориста-смертника поведении³⁷. Обретающая в России все большее значение

исламская идентичность повлияет на то, каким образом российским гражданам придется определять собственную национальную идентичность применительно к своей стране, и на то, как они будут урегулировать внутренние разногласия. Сложившаяся ситуация создает некую амбивалентность для той части российского населения, которая не определяет себя как «мусульмане», в частности татары или башкиры, и возникает риск, что они окажутся зажатыми между нарастающей исламофобией и радикальными исламскими группами.

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ПРИ ОТСУТСТВИИ ФЕДЕРАЦИИ

Сохранение территориальной целостности России по-прежнему проблематично, но не в том смысле, в котором это имело место в начале 1990-х, когда «парад суверенитетов» угрожал развалить страну на части так же, как это произошло с Советским Союзом.

Во-первых, представление о собственной территории за последние годы изменилось: ближнее зарубежье, издавна воспринимаемое российским общественным мнением в качестве «естественных» границ России, даже если они уже не являются ее юридическими границами, уже не существует как единое целое. Если Украина, Белоруссия и Приднестровье, как и раньше, считаются территориями скорее внутренними, нежели внешними по отношению к России, то Южный Кавказ и Центральная Азия исключены из воображаемой национальной общности и теперь рассматриваются как нечто принципиально чуждое России. В частности, сегодня это проявляется в том, насколько существенное значение приобрели дискуссии о необходимости введения визового режима со странами Центральной Азии и Закавказья: это предложение поддерживают примерно две трети российских граждан³⁸.

Далее, проблемой по-прежнему остается Северный Кавказ. Будучи табу еще несколько

лет назад, идея, что Россия обретет территориальное единство и политическую стабильность, отказавшись от Северного Кавказа, приобретает все большую значимость. Все большая часть российского общества полагает, что отделение Северного Кавказа от России не стало бы серьезной трагедией для страны. Этот взгляд получил широкое распространение во время избирательных кампаний так называемой национал-либеральной оппозиции, в том числе блогера и оппозиционера Алексея Навального, благодаря которому приобрел популярность лозунг «Хватит кормить Кавказ». С этого момента антикавказские настроения и растущее недовольство путинским режимом стали взаимосвязанными, тем самым наделив национализм, направленный против режима, серьезным потенциалом для мобилизации³⁹.

Наконец, несмотря на то что в первой половине 2000-х «асимметричный федерализм» был упразднен, появляется новое территориальное многообразие. Размежевание между регионами усиливается: нарастает разрыв между донорами федерального бюджета и получателями денег из него; различается экономическая и социальная структура, образуя три разных «России», а именно Европейскую часть России, Юг России и Сибирско-Дальневосточно-Арктическую Россию; разнятся и торговые стратегии (торговый оборот между Дальним Востоком и остальной частью страны сокращается в пользу увеличивающейся торговли со странами Азии). Таким образом, у власти нет другого выбора, кроме как признать необходимость большей децентрализации, но она отказывается от повторной федерализации и пытается ограничить изменения, передавая «регионам ответственность за физическую реализацию некоторых обременительных надзорных функций, при том что контроль над процессом принятия решений прочно закреплен за Москвой»⁴⁰.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПАРАДИГМЕ «ДРУГОЙ ЕВРОПЫ»

В том, как Россия определяет свою идентичность по отношению к Европе, также происходят серьезные изменения. Как и другие европейские государства, Россия начала задумываться о своей национальной идентичности со второй половины XVIII века. Идея особого пути (*Sonderweg*), на которую вдохновил пример Германии, противопоставлялась декларируемому универсализму французской модели — как монархии, так и республики — и распространилась по всей России: и в университетской среде, и в аристократических кругах. С появлением течения славянофилов в начале XIX века начал формироваться и огромный массив текстов, условно объединяемый под названием «русской идеи», который определял вневременные черты национальной сущности, признаки, образующие различные комбинации в зависимости от времени и целевой аудитории: религиозное мессианство (миф о Москве как о Третьем Риме), православная духовность, соборность, вера в центральную роль государства и/или самодержца, управляющего народом, преклонение перед крестьянством как носителем «самобытной» культуры, идея, что Россия и ее имперские окраины образуют отдельный мир, уникальную цивилизацию, которую Западу не дано понять. Представляя принадлежность России к Европе в качестве основной проблематики существования нации, это течение превратило русскую национальную идентичность в явление, которое в основе своей и «имитировало» идентичности Западной Европы, и «конкурировало» с ними⁴¹, так что они одновременно были как источником вдохновения, так и предметом осуждения. Это стремление к подражанию возникало из-за нежелания ощущать свою второсортность по отношению к Европе и от отсутствия поклонников России, способных оценить все ее достоинства⁴².

Сегодня отношения с Европой стали более сложными. Опросы общественного мнения показывают, что большинство россиян поддерживает официальный дискурс Кремля, который пытается оспаривать однополярность мира под американским господством, который считает НАТО врагом, стремящимся уменьшить влияние Москвы в ближнем зарубежье, а в Европейском союзе видит организацию, пытающуюся ослабить Россию и исключить ее из своей архитектуры безопасности и торговли⁴³. В то же время опросы

есть, что у России и Европы много общих ценностей, и «европейский выбор России — это не мода и не политическая конъюнктура. Это естественный итог нескольких столетий развития государства и общества»⁴⁶. Однако это не означает, что Россия должна позволить Брюсселю подвергать ее «тестам на европейскость», поскольку российские правящие элиты больше не воспринимают Запад как моральный авторитет⁴⁷. По словам Владислава Суркова, который долгое время был путинским *серым кардиналом*, «не выпадать

“Все большая часть российского общества полагает, что отделение Северного Кавказа от России не стало бы серьезной трагедией для страны”.

подтверждают, что россияне очень «европеизированы»: российский средний класс проводит отпуск в Европе, отправляет туда учиться своих детей, стремится туда эмигрировать, чтобы там работать или жить после выхода на пенсию, высоко ставит европейский образ жизни и социальные ценности демократии и полагает, что Россия является частью этой самой Европы (однако отстраняясь от ЕС как бюрократического института)⁴⁴.

Такие взгляды в целом соответствуют точке зрения, продвигаемой пропрезидентской партией «Единая Россия» и близким окружением Путина, которые играют на амбивалентности, критикуя Запад и особенно Соединенные Штаты и в то же время определяя Россию как часть более широкой европейской цивилизации. В ряде случаев российские официальные лица открыто и недвусмысленно поддерживают тезис о «европейскости» России: так, министр иностранных дел РФ Сергей Лавров назвал Европу, Соединенные Штаты и Российскую Федерацию «тремя столпами и тремя ветвями европейской цивилизации»⁴⁵. В некоторых официальных документах подчеркива-

из Европы, держаться Запада — существенный элемент конструирования России»⁴⁸.

Между тем антиамериканизм вновь стал одним из идейных инструментов, который Кремль использует для повышения статуса России на международной арене и для общения с наиболее консервативной частью внутренней аудитории. Двусторонние отношения с США действительно ухудшились, но сделать из Запада козла отпущения — это очевидно был политический ход путинской президентской кампании 2012 года, когда Кремль столкнулся с массовыми протестами против возвращения Путина к власти.

Вместе с тем Россия пользуется более широким спектром идеологических аргументов, которые выходят за рамки простого антиамериканизма; теперь она позиционирует себя как державу, выступающую за традиционные ценности и моральные нормы и противостоящую якобы упадническому Западу. Речь Путина на Валдае 20 сентября 2013-го ярко продемонстрировала, что вопросы морали и консервативные ценности включены в инструментарий Кремля, как обычно, скорее из прагматических, нежели из идео-

логических соображений. Российский президент сказал, что сегодня стране необходимы «поиски новой стратегии и сохранение своей идентичности в кардинально изменяющемся мире, в мире, который стал более открытым, прозрачным, взаимозависимым». «Вопросы “Кто мы?”, “Кем мы хотим быть?” звучат в нашем обществе все громче и громче. (...) Очевидно, что наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения. (...) Мы видим, как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая»⁴⁹. Здесь мы опять сталкиваемся с давно существующей амбивалентностью в отношениях между Россией и Европой, которую можно было наблюдать еще среди славянофилов, когда Россия критикует Европу, защищая европейские ценности. Так, кампания против ЛГБТ-сообщества осуществлялась в поддержку иных европейских ценностей, то есть христианских корней Европы, а осуждение «евромайдана» на Украине объяснялось борьбой против атлантизма и НАТО.

НЕГЛАСНЫЕ И ГЛАСНЫЕ ДОГОВОРЕННОСТИ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ОБЩЕСТВОМ Последнее, но не менее важное, это то, что кардинально меняются условия соглашения между государством и обществом. После распада Советского Союза в отношении любого идеологического кредо Кремль придерживался осторожной или негативной позиции. Восторженные возгласы в пользу западного либерализма, звучавшие в 1990-х, быстро стихли, и постепенно была реабилитирована тема родины. Несмотря на все перемены, имевшие место при Путине, идеологическая ангажированность остается спорным вопросом, и внутри

правлящей элиты нет единодушного мнения по этому поводу. Третий срок Путина подтверждает две тенденции. Во-первых, на протяжении многих лет Кремль постепенно создавал идеологический метанарратив, хотя он по-прежнему отказывается конкретизировать какие-либо детали или систематизировать его содержание. Во-вторых, данный метанарратив воплощает ценности, которые определяются как консервативные. Означает ли это, что Путин и его ближайшее окружение изменили свой взгляд на мир и неожиданно ощутили большую потребность в идеологии? Нет, поскольку их подход к внутренним проблемам по-прежнему остается прагматичным, а в международных делах они следуют стратегии реальной политики (*realpolitik*) и руководствуются нигилистическими принципами, что способствует цинизму, патернализму и консьюмеризму. И вместе с тем — да, поскольку они стареют. Их легитимность постепенно уменьшается, а неспособность выдвинуть новое поколение выбранных преемников (в соответствии с китайской моделью) слишком очевидна. Таким образом, те, кто находится у власти, надеются компенсировать недостаток легитимности избытком идеологии. Еще более важно, что изменились обстоятельства, при которых власть заключала свой контракт с обществом. Сам по себе режим не изменился, несмотря на глубокие социальные трансформации, произошедшие в 2000-х годах. Нынешний консервативный поворот — это попытка как-то отреагировать на столь увеличившийся разрыв.

Мария Липман поясняет, что негласный «договор о невмешательстве», который регулировал отношения между государством и обществом в 2000-х (государство не вмешивается в частную жизнь граждан, а они в обмен на это не вмешиваются в управление государством), был нарушен демонстрациями против Путина зимой 2011—2012 годов⁵⁰. Система пытается сохранить статус-кво,

усиливая идеологическое принуждение. Для этого она все больше опирается на консервативное — и молчаливое — электоральное большинство, с тем чтобы маргинализовать активное меньшинство, исповедующее либеральные ценности, но в то же время и тех, кто придерживается националистических взглядов и хотел бы участвовать в принятии решений. Другими словами, система была вынуждена сделать явным то, что ранее лишь подразумевалось. Однако переход от неявного к явному труден и опасен.

мости единого учебника по истории XX века, о роли православной церкви и др.

Переход от неявного к явному *опасен*, потому что открыто сформулированный общественный договор подразумевает признание идеологических разногласий, в то время как существующий в России режим ориентирован именно на отрицание разногласий в общественной сфере. А это в том числе предполагает, что инакомыслие должно быть дискредитировано (или подавлено) с помощью аппарата принуждения

“После распада Советского Союза Кремль придерживался осторожной или негативной позиции в отношении каких бы то ни было *идеологических установок*”.

Он *труден*, потому что идеологический консенсус в России стремится к минимуму. Согласие в отношении того, что в публичную сферу следует продвигать только те идеи, которые разделяют все, и ограничивать спорные вопросы частной сферой, существует, но не в том, что касается самой сути. Если же возникает необходимость объяснять суть, единодушие исчезает. Среди правящих элит нет единого мнения относительно национальной идентичности, будущей судьбы федерализма, демографии и миграционной политики, интерпретации советского прошлого, отношений с ближним зарубежьем и всего, что с ним связано (проблема соотечественников и др.). Нет единства между теми, для кого главные враги — это Соединенные Штаты и НАТО, и теми, кого больше всего беспокоит ислам или Китай, а также между теми, кто полагает, что можно обеспечивать экономическое развитие, сохраняя статус-кво, и теми, кто уверен в необходимости реформ. Формулирование идеологического контента — дело действительно сложное, тем более в такой открытой и разнообразной стране, как современная Россия. Это видно из дискуссий о необходи-

с использованием правовых средств (закон об «иностранцах агентах»), технологий (контроль над интернетом) и обеспечения безопасности (соответствующие службы). Однако такое предприятие дорого обходится с финансовой точки зрения, требует непомерного числа сотрудников и, кроме того, не согласуется с «нигилистическим» кредо элит. Возьмем в качестве примера закон 2012 года об иностранных агентах, который фактически остается инструментом репрессий, поскольку власти решили не давать никаких логических обоснований. И наконец, самое главное, идеология, которая формулируется открыто, предполагает признание важности политических ценностей, между тем основная идея, которую подразумевает режим, — не обсуждать природу общественного блага.

Разработка идеологии может косвенно способствовать плюрализму, что Кремль не приветствует. Это могло бы придать силу более либеральной точке зрения, к чему элиты смогли бы приспособиться с относительной легкостью, но в то же время и националистическим теориям (исходящим как со стороны «этнических русских», так и со стороны «этниче-

ских меньшинств»), которые поставят под угрозу стабильность режима. Таким образом, сохранение негласного договора Кремль рассматривает как способ избежать реальной или воображаемой опасности разделения страны. Похоже, в этом состоит основная проблема консервативного поворота, который наблюдается последние два года. До сих пор неявное формулировалось в терминах патриотизма, что позволяет пропагандировать общие социальные ценности и практики, а также коллективную память, ключевыми элементами которой являются советская культура и Вторая мировая война. Но поиски развития идеи патриотизма открывают ящик Пандоры, выпустив наружу национализм и породив цепную реакцию взаимодействия между «русским национализмом» и разными вариантами «нерусского национализма». Гражданский национализм не приветствуется, поскольку режим не поддерживает вовлеченность своих граждан в публичную сферу; этнический национализм рассматривается как угроза единству и стабильности России; государственный национализм, продвигаемый режимом в качестве третьего решения, все в меньшей и меньшей степени соответствует ситуации и не способен привести к консенсусу между государством и гражданами.

Заключение

В дальнейших исследованиях «национализма» в России нужно учитывать несколько составляющих. Во-первых, не следует использовать понятие «русский национа-

лизм» как эвристическую концепцию, суть которой понимается интуитивно, особенно в том, что касается ее политических последствий. Необходимым шагом к лучшему пониманию проблемы является деидеологизация анализа. Во-вторых, сравнительный подход позволит убрать шоры, возникающие при использовании гипотезы об исключительности России. Ксенофобия и популизм вот-вот станут мейнстримом на политической арене Западной и Центральной Европы, а американский патриотизм и претензии на исключительность вполне сравнимы с аналогичными претензиями России. В-третьих, вместо «русского национализма», вероятно, следует говорить о «русских национализмах», поскольку он преследует множество целей (повлиять на политическую повестку дня, трансформировать сознание граждан, придать новую энергию культуре), содержит разнообразные социальные и идеологические компоненты, различен в своих региональных и этнических проявлениях, у него разные целевые группы и способы общения с ними. В-четвертых, изучение «национализма» имеет смысл только тогда, когда оно объединено с исследованием социальных условий, «порождающих» национализм, и включает такие темы, как историческая память, гражданская идентичность, глобализация и пр. В результате мы получим более сложную, со многими нюансами картину, которая в гораздо большей мере соответствует нынешнему состоянию российского общества. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ См.: *Dowler W.* Dostoevski, Grigoriev and Native Soil Conservatism. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1982; *Gerstein L.* Nikolay Strakhov: Philosopher, Man of Letters, Social Critic. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1971; *Lukashevich S.* Konstantin Leontev: A Study in Russian "Heroic Vitalism". N. Y.: Pageant Press, 1967; *Idem.* N. F. Fedorov: Study in Russian Eupsychnian and Utopian Thought. Newark: Univ. of Delaware Press, 1977.

² См., например: *Dunlop J.B.* The Faces of Contemporary Russian Nationalism. Princeton: Princeton Univ. Press, 1983; *Idem.* The New Russian Nationalism. N. Y.: Praeger Publishers, 1985; The New Russian Revolutionaries. Belmont, Mass.: Nordland Publishing Company, 1976; The Rise and Fall of the Soviet Union. Princeton: Princeton Univ. Press, 1993. См. также: *Yanov A.* The Russian Challenge and the Year 2000. N. Y.: Basil Blackwell, 1987; *Idem.* The Russian New Right: Right-Wing Ideologies in the Contemporary USSR. Berkeley: Univ. of California Press, 1978; *Laqueur W.* Black Hundred: The Rise of the Extreme Right in Russia. N. Y.: Harpercollins, 1993.

³ Среди работ, опубликованных позже, но посвященных тому же периоду, см.: *Brudny Y. M.* Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State, 1953–1991. Cambridge–London: Harvard Univ. Press, 2000. См. также: *Parthé K.* Russian Village Prose: The Radiant Past. Princeton: Princeton Univ. Press, 1992.

⁴ *Митрохин Н.* «Русская партия»: Движение русских националистов в СССР 1953–1985. М.: НЛО, 2003.

⁵ *Suny R. G.* The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union. Stanford: Stanford Univ. Press, 1993. См. также более позднюю работу: *Beissinger M.* Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet Union. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.

⁶ Об организации «Память» см.: *Korey W.* Russian Antisemitism, Pamyat and the Demonology of Zionism. Harwood Academic Publishers for the Vidal Sassoon International Center for the Study of Antisemitism, The Hebrew University of Jerusalem, 1995. См. также: *Likhachev V.* Political Anti-Semitism in Post-Soviet Russia: Actors and Ideas in 1991–2003. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2006.

⁷ См.: *Suny R. G.* Intellectuals and the Articulation of the Nation. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1999; *Shnirel'man V.* Who Gets the Past? Competition

for Ancestors Among Non-Russian Intellectuals in Russia. Wash.: Woodrow Wilson Center Press, John Hopkins Univ. Press, 1996.

⁸ См.: *Shenfield S. D.* Russian Fascism: Traditions, Tendencies, Movements. N. Y.; L.: M.E. Sharpe, 2001; *Reznik S.* The Nazification of Russia: Antisemitism in the Post-Soviet Era. Wash. D. C.: Challenge Publications, 1996; *Parland T.* The Extreme Nationalist Threat in Russia: The Growing Influence of Western Rightist Ideas. L.; N. Y.: Routledge–Curzon, 2004; *Rossmann V.* Russian Intellectual Antisemitism in the Post-Communist Era. Lincoln, L.: Univ. of Nebraska Press, Vidal Sassoon International Center for the Study of Antisemitism, The Hebrew University of Jerusalem, 2002.

⁹ На эту тему см. дебаты, проходившие на страницах журнала *Post-Soviet Affairs*, между Стивенном Хансоном, Джефффри Коптстейном и Стивенном Шенфилдом: *Hanson S. E., Kopstein J. S.* The Weimar / Russia Comparison // *Post-Soviet Affairs*. 1997. Vol. 13. No. 3. P. 252–283; *Shenfield S.* The Weimar / Russia Comparison: Reflections on Hanson and Kopstein // *Post-Soviet Affairs*. 1998. Vol. 14. No. 4. P. 355–368; *Hanson S. E., Kopstein J. S.* Paths to Uncivil Societies and Anti-Liberal States: A Reply to Shenfield // *Post-Soviet Affairs*. 1998. Vol. 14. No. 4. P. 369–375.

¹⁰ См.: *Giuliano E.* Constructing Grievance: Ethnic Nationalism in Russia's Republics. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2011; *Gorenburg D.* Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005.

¹¹ Среди многих других работ см., в частности: *Cheterian V.* War and Peace in the Caucasus: Russia's Troubled Frontier. L.: Hurst, 2009; *Шнирельман В.* Быть аланами: Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛО, 2006; *De Waal T.* Black Garden: Armenia and Azerbaijan Through Peace and War. N. Y.: N. Y. Univ. Press, 2003, reed. 2013.

¹² Прежде всего речь идет о работах Дэвида Лэйтина и Пола Колстё: *Laitin D.* Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the New Abroad. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1998, а также многие другие его статьи, посвященные странам Балтии; *Nation-Building and Ethnic Integration in Post-Soviet Societies: An Investigation of Latvia and Kazakhstan* / P. Kolstoe (ed.). Boulder, Westview, 1999; *Idem.* Political Construction Sites: Nation Building in Russia and the Post-Soviet States. Boulder, Westview, 2000. См. также: *Ingram A.*

A Nation Split into Fragments: the Congress of Russian Communities and Russian Nationalist Ideology // *Europe-Asia Studies*. 1999. No. 4. P. 687–704. Помимо этого, имеется в виду литература, в которой обсуждались концепции Роджерса Брубейкера: *Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996.

¹³ *Hill F. In Search of Great Russia. Elites, Ideas, Power, the State, and the Pre-Revolutionary Past in the New Russia, 1991–1996*. PhD., Cambridge: Harvard Univ., 1998.

¹⁴ Среди прочих работ см.: *Wilson A. Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. New Heaven: Yale Univ. Press, 2005; *Hale H. E. Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007; *Sakwa R. Putin: Russia's Choice*. L.: Routledge, 2008, 4th ed.; *Idem. The Crisis of Russian Democracy: The Dual State, Factionalism and the Medvedev Succession*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011; *Rose R., Mishler W., Munro N. Russia Transformed: Developing Popular Support for a New Regime*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006; *Kononenko V., Moshes A. Russia as a Network State: What Works in Russia When State Institutions Do Not?* N. Y.: Palgrave Macmillan, 2011; *Ledeneva A. Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013.

¹⁵ *Hale H. E. The Foundations of Ethnic Politics. Separatism of States and Nations in Eurasia and the World*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.

¹⁶ Анализ связи между «национализмом» и «внешней политикой» см.: *Tsygankov A. Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2006; *Kuchins A., Zevelev I. Russia's Contested National Identity and Foreign Policy* // *Worldviews of Aspiring Powers: Domestic Foreign Policy Debates in China, India, Iran, Japan, and Russia* / H. R. Nau, D. M. Ollapally (eds). Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. Исторический взгляд на проблему см.: *Tominez A. Russian Nationalism Since 1856. Ideology and the Making of Foreign Policy*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, Inc., 2000.

¹⁷ *Ortung R., Lussier D., Paretskaya A. The Republics and Regions of the Russian Federation: A Guide to Politics, Policies, and Leaders*. N. Y.: M.E. Sharpe, 2000; *Aldis A., Graeme P. Russian Regions and Regionalism: Strength Through Weakness*. L.:

Routledge, 2002; см. также: *Russian Regional Report*, переставший выходить в 2006 году (<http://www.isn.ethz.ch/Digital-Library/Publications/Detail/?lng=en&id=13831>).

¹⁸ См.: *Tsygankov A. Russophobia: Anti-Russian Lobby and American Foreign Policy*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2009.

¹⁹ *Umland A. Could Russia's Ultranationalists Subvert Pro-Democracy Protests?* // *World Affairs*. 2012. Jan. 19 (<http://www.worldaffairsjournal.org/article/could-russia%E2%80%99s-ultranationalists-subvert-pro-democracy-protests>).

²⁰ Это направление исследований сейчас только начинает появляться. См., например: *March L. My Country, Right or Wrong? Comparing Russian and American Nationalism's Foreign Policy Manifestations* // *Centenary Conference of Slavic Studies*, Leiden Univ. Oct. 11. 2013.

²¹ *Billig M. Banal Nationalism*. L.: Sage, 1995; *Ederson T. National Identity, Popular Culture and Everyday Life*. Oxford: Berg, 2002; *Fox J., Miller-Idriss C. Everyday Nationhood* // *Ethnicities*. 2008. Vol. 8. No. 4. P. 536–562.

²² См.: *Laruelle M. Inside and Around the Kremlin's Black Box: The New Nationalist Think Tanks in Russia* // *Stockholm Papers*. 2009. Oct.; а также нынешнее исследование, которое проводит Игорь Торбаков в Упсальском центре российских и евразийских исследований.

²³ См. серию книг под редакцией Александра Верховского, выпускаемых центром «СОВА»: *Демократия вертикали*. М.: СОВА, 2006; *Русский национализм: Идеология и настроение*. М.: СОВА, 2006; *Цена ненависти: Национализм в России и противодействие расистским преступлениям*. М.: СОВА, 2005; *Пути несвободы*. М.: СОВА, 2005; и кроме того: *Радикальный русский национализм: Структуры, идеи, лица* / Под ред. Г. Кожевниковой, А. Верховского. М.: СОВА, 2009. См. также: *Шнифельман В. Интеллектуальные лабиринты: очерки идеологий в современной России*. М.: Academia, 2004; *Он же. «Чистильщики московских улиц»: Скинхеды, СМИ и общественное мнение*. М.: Academia, 2007; *Sheiko K., in collaboration with S. Brown. Nationalist Imaginings on the Russian Past. Anatolii Fomenko and the Rise of Alternative History in Post-Communist Russia*. Stuttgart: Ibidem Verlag, 2009; *Лихачев В., Прибыловский В. Русское национальное единство 1990–2000*. Stuttgart: Ibidem Verlag, 2005.

- ²⁴ См. авторитетную работу Терри Мартина: *Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2001; а также: *Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2005; *Slezkine Yu. Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1994; *Hosking G. Rulers and Victims: The Russians in the Soviet Union*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2006.
- ²⁵ См., например: *Russian Nationalism, Foreign Policy and Identity Debates in Putin's Russia* / M. Laruelle (ed.). Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2012.
- ²⁶ См., например, материалы, которые были представлены на конференции «Национальная идентичность в Евразии II: миграция и диаспора», проходившей в *Wolfson College* (Оксфордский университет) 10–12 июля 2009 года (<http://www.mod-langs.ox.ac.uk/russian/nationalism/migrancyconf.htm>).
- ²⁷ *Giuliano E., Gorenburg D. The Unexpectedly Underwhelming Role of Ethnicity in Russian Politics, 1991–2011* // *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2012. Vol. 20. No. 2. P. 175–188.
- ²⁸ См., например, коллективный проект *Nation-building and nationalism in today's Russia (NEORUSS)*, финансируемый Научно-исследовательским советом Норвегии.
- ²⁹ *Lassila J. The Quest for an Ideal Youth in Putin's Russia II. The Search for Distinctive Conformism in the Political Communication of Nashi, 2005–2009*. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2012; а также: *Mijnssen I. The Quest for an Ideal Youth in Putin's Russia I: Back to Our Future! History, Modernity and Patriotism According to Nashi, 2005–2012*. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2012; *Topalova V. In Search of Heroes: Cultural Politics and Political Mobilization of Youth in Contemporary Russia and Ukraine* // *Demokratizatsiya*. 2006. No. 1. P. 23–41; *Levintova E., Butterfield J. History Education and Historical Remembrance in Contemporary Russia: Sources of Political Attitudes of Pro-Kremlin Youth* // *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. No. 43. P. 139–166.
- ³⁰ См., например: *Pilkington H., Omel'chenko E., Garifzianova A. Russia's Skinheads: Exploring and Rethinking Subcultural Lives*. L.; N. Y.: Routledge, 2010. См. также: *Омельченко Е. АНТИФА против ФА: О терминах и не только* // *Polit.ru*. 2010. Май 24 (<http://polit.ru/article/2010/05/24/antifa/>); *Аксюткина О. Панк-вирус в России*. М.: Леан, 1999.
- ³¹ *Sperling V. Nashi Devushki: Gender and Political Youth Activism in Putin's and Medvedev's Russia* // *Post-Soviet Affairs*. 2012. Vol. 28. No. 2. P. 232–261; а также нынешнее исследование Джулии Хеммерт по проблеме участия женщин в молодежных патристических движениях.
- ³² См., например, проект *Memory at war*, в рамках которого исследуется культурная динамика «войн памяти», которые в настоящее время бушуют в Польше, России и Украине (<http://www.memoryatwar.org/>).
- ³³ См., например: *Laruelle M. In the Name of the Nation: Nationalism and Politics in Contemporary Russia*. N. Y.: Palgrave/MacMillan, 2009; *Lipman M. The Kremlin Turns Ideological: Where This New Direction Could Lead* // *Russia 2025: Scenarios for the Russian Future* / M. Lipman, N. Petrov (eds). N. Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 220–239.
- ³⁴ См.: *Sullivan Ch. Motherland: Soviet Nostalgia in Post-Soviet Russia*. PhD, Political Science. The George Washington Univ. 2014.
- ³⁵ *Oushakine S. The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia*. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2009.
- ³⁶ Среди прочего см.: *Norris S. Blockbuster History in the New Russia: Movies, Memory, and Patriotism*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 2012; *Beumers B. Myth-making and Myth-taking: Lost Ideals and the War in Contemporary Russian Cinema* // *Canadian Slavonic Papers*. 2000. Vol. 42. No. 1–2. P. 171–189; *Prokhorova E. Flushing Out the Soviet: Common Places, Global Genres and Modernization in Russian Television Serial Productions* // *Russian Journal of Communication*. 2010. Vol. 3. No. 3/4. P. 185–204; *Hutchings S., Rulyova N. Commemorating the Past/Performing the Present: Television Coverage of WWII Victory Celebrations and the (De)Construction of Russian Nationhood* // *The Post-Soviet Russian Media: Conflicting Signals* / B. Beumers, S. Hutchings, N. Rulyova (eds). L.: Routledge, 2009. P. 134–155.
- ³⁷ Мусульмане Москвы возмущены распространением официального предупреждения ФСБ, в котром говорится о мечетях как о месте сбора террористов // СОВА-центр. 2014. 24 янв. (<http://www.sova-center.ru/religion/news/authorities/feelings/2014/01/d28874/>). Ссылка на материал на английском языке: <http://www.sova-center.ru/en/religion/news-releases/2014/01/d28886/>

³⁸ Отношение к мигрантам // Левада-Центр. 3 июля 2013 г. (<http://www.levada.ru/03-07-2013/otnoshenie-k-migrantam>).

³⁹ См.: *Laruelle M.* Alexei Navalny and Challenges in Reconciling "Nationalism" and "Liberalism" // *Post-Soviet Affairs*. 2014. Forthcoming.

⁴⁰ *Petrov N.* Gap Between Moscow and Regions Widens // *The Moscow Times*. 2012. July 30 (<http://carnegie.ru/2012/07/30/gap-between-moscow-and-regions-widens/cqe7>).

⁴¹ Цит. по: *Jaffrelot C.* Les Modèles explicatifs de l'origine des nations et du nationalisme. *Revue critique* // *Les Théories du nationalisme. Nation, nationalité, ethnicité* / G. Delannoi, P.-A. Taguieff (eds). Paris: Kimé, 1991. P. 167.

⁴² *Angenot M.* Les Idéologies du ressentiment. Montréal: XYZ, 1997.

⁴³ Россияне стали хуже относиться к Украине и Европе — опрос // <http://glavred.info/politika/rossiyane-stali-huzhe-otnositsya-k-ukraine-i-evrope-opros-260783.html>

⁴⁴ Около 60 проц. россиян хорошо относятся к Европейскому союзу (как правило, этот процент выше, когда речь идет не в целом о Еросоюзе, а об отдельных европейских странах). См., напр.: Россияне об отношении к другим странам // Левада-Центр. 11 окт. 2013 г. (<http://www.levada.ru/11-10-2013/rossiyane-ob-otnoshenii-k-drugim-stranam>); опрос по Германии: Россия и Германия:

оценка нынешних отношений и перспективы их развития // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2453 (<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114603>).

⁴⁵ Foreign Minister of the Russian Federation Sergey Lavrov Visits Centre for Strategic and International Studies (Washington, D.C.), Meets With Politicians and Journalists and Gives a Speech on "Russia in a Multipolar World: Implications for Russia—EU—U.S." 2011. July 16 (<http://www.rusembassy.ca/ru/node/589>).

⁴⁶ Агитатор «Единой России». М.: Европа, 2006. С. 35.

⁴⁷ См. на эту тему: *Тренин Д.* Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». М.: Европа, 2006 или на английском языке: *Getting Russia Right*. Wash. D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2007.

⁴⁸ *Сурков В.* Национализация будущего (параграфы про суверенную демократию) // Суверенная демократия: От идеи к доктрине. М.: Европа, 2006. С. 43.

⁴⁹ Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» // <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>

⁵⁰ *Lipman M.* The Kremlin Turns Ideological. Where This New Direction Could Lead // *Russia 2025. Scenarios for the Russian Future* / M. Lipman, N. Petrov (eds). N. Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 220–239.